ДЕТОУБИЙСТВО

совершаемое

РУССКИМ пр-ом

1 экз

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦБП
Д462

LES FEMMES DU PROCÈS DES SOCIALISTES
de Moscou

ДѢТОУБІЙСТВО
СОВЕРШАЕМОЕ РУССКИМЪ
ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ

ЦБ11
Д462

ЖЕНЩИНЫ
процесса московскихъ соціалистовъ

Изданіе редакціи
Украинскаго сборника „Громада“ (Община)

Prix : 25 centimes

ЖЕНЕВА
Imprimerie du «Rabotnik», 26, chemin Montchoisy,
—
1877.

К.

ЦБ11
Д462

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
221
216

Ц. 7988

2011
У
82

Въ Февралѣ и Мартѣ настоящаго года газеты въ Россіи и Западной Европѣ передали болѣе или менѣе неполныя свѣдѣнія о судебномъ процессѣ 50 лицъ, принадлежавшихъ къ такъ называемому московскому обществу соціалистовъ, открытому полиціей въ 1875 г. Въ ряду этихъ лицъ обращаютъ на себя особенное вниманіе 15 дѣвушекъ и женщинъ, почти все очень молодаго возраста (отъ 15 до 25 лѣтъ; 11 изъ нихъ во время арестованія ихъ не имѣли по 20 лѣтъ)— а изъ заявленій, сдѣланныхъ этими лицами на судѣ во многихъ отношеніяхъ интересна рѣчь дѣвицы С. И. Бардиной, которой, конечно, напрасно бы мы стали искать въ опубликованномъ оффиціальномъ отчотѣ объ этомъ процессѣ.

Софья Илларіоновна Бардина по своему рожденію и воспитанію принадлежитъ къ дворянскому классу. Родилась она въ 1853 году въ г. Тамбовѣ, гдѣ и получила первоначальное воспитаніе. Окончивъ курсъ въ институтѣ съ высшей наградой за оказанныя успѣхи, въ 1871 г. пріѣхала въ Москву съ цѣлью продолжать свое образованіе, но за неимѣніемъ къ тому возможности въ Россіи, въ началѣ 1872 г. отправилась въ Цюрихъ. Тутъ она поступила, по выдержаніи экзамена, въ Политехникумъ на сельскохозяйственное (агрикультурное) отдѣленіе, гдѣ, по окончаніи перваго года, на экзаменахъ отвѣчала лучше своихъ товарищей. За тѣмъ она сочла болѣе удобнымъ для себя занятіе медициною и перешла на медицинскій факультетъ.

Но, какъ извѣстно, лѣтомъ 1873 г., передъ выѣздомъ русскаго императора въ Вѣну на выставку, состоялось, по всей вѣроятности вслѣдствіе расчота окружающихъ его лицъ напугать царя страшнымъ революціоннымъ скопищемъ русской эмиграціи и молодежи въ Цюрихѣ, — состоялось распоряженіе, воспрещавшее русскимъ женщинамъ оставаться въ Цюрихѣ далѣе новаго года, сопровождавшееся самими грязными и при томъ совсѣмъ не политическими клеветами, но вмѣстѣ съ тѣмъ и торжественнымъ обѣщаніемъ открыть для женщинъ высшія учебныя заведенія и въ Россіи. Клеветамъ этимъ и обѣщані-

ямъ повѣрила печать и въ Европѣ и въ Россіи, между тѣмъ какъ, по заявленіямъ людей знакомыхъ близко съ дѣломъ, начиная съ совѣта цюрихскихъ профессоровъ, клеветы были достойны своего источника, а обѣщанія своего правительство русское не думаетъ исполнять и до сихъ поръ. Мало того, правительство это не сдержало и другаго обѣщанія: большая часть и тѣхъ, кто послушались его требеванія и оставили Цюрихъ, попали въ списокъ лицъ, которыхъ воспрещено принимать въ какія бы то ни было должности, — учительницъ, фельдшерицъ и т. п., чѣмъ угрожало правительство только тѣмъ, кто не оставитъ Цюриха.

Въ числѣ лицъ, которыя послѣ распоряженія правительства оставили Цюрихъ, была и Бардина вмѣстѣ съ другими дѣвушками, осужденными послѣ вмѣстѣ съ нею: Лидіей Фигнеръ, Марьей Субботиной, Варварой Александровой, Вѣрой Любатовичъ, Александрой Хоржевской. Онѣ переселились въ Парижъ, въ надеждѣ, что въ этомъ городѣ русское правительство оставитъ ихъ въ покоѣ и онѣ въ состояніи будутъ окончить свои университетскія занятія. Вначалѣ имъ дѣйствительно, какъ-бы и удалось достичь ихъ цѣли. Именно, Парижскій медицинскій факультетъ принималъ уже въ то время женщинъ въ студенты и не имѣлъ ничего противъ зачисленія и пріѣхавшихъ изъ Цюриха. Сорбонна, которая оцѣниваетъ иностранные дипломы, отнеслась тоже весьма хорошо къ свидѣтельствамъ о предшедствовавшихъ занятіяхъ поступающихъ въ Россіи и Цюрихѣ, а пробывшимъ въ Цюрихѣ около 2-хъ лѣтъ полагала возможнымъ принять въ студенты 2-го года. Надо замѣтить, что при переходѣ въ парижскій медицинскій факультетъ даже изъ провинціальныхъ французскихъ сбрасывается одинъ или либо два семестра, т. е. студентъ 4-го семестра зачисляется въ Парижѣ на 2-й или 3-й. Такимъ образомъ казалось, что все идетъ хорошо. Съ своей стороны и поступающія не теряли времени и торопились всячески приравнять свои познанія къ парижскимъ требованіямъ, ибо въ Парижѣ преподаваніе нѣсколько различается отъ нѣмецкихъ университетовъ, а студенты въ концѣ года подвергаются экзаменамъ. Послѣдній предстоялъ и нашимъ студенткамъ, а чтобы прготовиться недостаточно было одной доброй воли, а необходимы были и матеріальныя затраты: учиться зъ Парижѣ значительно дороже, чѣмъ въ Германіи. Средства вышеупомянутыхъ студентокъ были весьма ограничены и для жизни въ Швейцаріи; въ Парижѣ же пришлось урѣзать и старый бюджетъ, какъ для покупки, напр., микроскоповъ (надо было имѣть свои), такъ и для уплаты за лекціи. Въ послѣднемъ отношеніи предстояло внести значительныя суммы, ибо хотя нашихъ студентокъ и принимали на 2-й годъ, но, по правиламъ медиц. факультета, они должны были заплатить и за 1-й, а также и за присуждаемое имъ Сорбонною званіе бакалавровъ. Все это пришлось покрывать уменьшеніемъ издержекъ на столъ и квартиру. И дѣйствительно, послѣднія были доведены до такого minimum'а, что издержки простаго робочаго въ Парижѣ превышали по крайней мѣрѣ на треть издержки нашихъ студентокъ. Одинъ изъ французскихъ врачей,

приглашенний по случаю болѣзни одной изъ нихъ, прямо предсказывалъ имъ истощеніе и болѣзни при такой обстановкѣ. Достаточно сказать, что на пищу помянутыя выше лица могли издерживать по $1^1/$ франка, вмѣстѣ съ издержками на ея приготовленіе. На сколько жизнь русскихъ студентокъ непохожа была на то, «жуированье», въ которомъ обвиняло ихъ русское правительство, видно, какъ изъ этихъ фактовъ, такъ и изъ того, что въ квартирѣ Бардиной съ подругами была одна комната совершенно нездоровая, безъ вентиляціи и камина въ которой онѣ жили по очереди.

При такихъ лишеніяхъ студенткамъ приходилось платить за курсы анатоміи по 200 фр., и по 30 фр. въ мѣсяцъ за химическую лабораторію, и купить микроскопъ, ибо въ лабораторіи Ранвье, гдѣ пристроились наши студентки, онъ долженъ быть свой. Все это не смущало однако рѣшенія ихъ добиться своей цѣли, и лишь ждали окончанія процедуры съ оцѣнкою дипломовъ въ Сорбоннѣ. Наконецъ получилось приглашеніе явиться въ Сорбонну, но вмѣсто вѣсти о правѣ поступить въ студенты нашихъ женщинъ встрѣтили слѣдующими словами: «Не смотря на всѣ ваши права, которыя мы охотно признаемъ, —[мы считали возможнымъ принять васъ на 2-й годъ] — мы должны вамъ отказать: вашъ посолъ извѣстилъ насъ, что русское правительство не желаетъ, чтобы русскія женщины учились за-границею, а мы должны уважать его желаніе. Примите наши сожалѣнія, сударини, и вѣрьте, что если-бы не желаніе князя Орлова, то вы были-бы тотчасъ приняты, какъ и другія русскія женщины, уже зачисленныя въ студенты.» Вмѣшательство же к. Орлова совершилось по слѣдующему поводу. Деканъ медицинскаго факультета, г. Вюрцъ, спросилъ разъ одну изъ поступающихъ (г-жу Егорову): «Что это значитъ, что вдругъ столько русскихъ женщинъ поступаютъ въ парижскій факультетъ?» По наивности, Егорова отвѣтила ему, что «наше правительство обязало насъ выѣхать изъ Цюриха,» а затѣмъ разказала и о мотивѣ, которымъ русское правительство руководствовалось. «А когда-такъ, то надо справиться у вашего посла,» былъ отвѣтъ Вюрца, и въ результатѣ справокъ - отказъ женщинамъ вновь поступающимъ. Впослѣдствіи, долго спустя, сталъ извѣстенъ и отвѣтъ князя Орлова. Онъ былъ въ сущности слѣдующій: «Русское правительство считаетъ неудобнымъ, чтобы русскія женщины учились внѣ Россіи; да къ тому нѣтъ и надобности, ибо въ Россіи онѣ имѣютъ учебныя заведенія, равносильныя факультетамъ въ университетахъ. Русскія женщины желаютъ, однако, учиться непремѣнно вмѣстѣ съ мужчинами, но когда это имъ и удается, какъ напр., въ Цюрихѣ, то науками онъ не занимаются, а вдаются въ политику, чему примѣромъ служитъ тотъ же Цюрихъ, гдѣ онѣ были членами секцій Международнаго Общества Рабочихъ.» — Все это происходило осенью 1873 г., когда на коммунаровъ и интернаціоналовъ шла во Франціи еще жаркая охота.

И опять *ложь*, — на этотъ разъ личная, а не анонимная, — какъ въ статьѣ «Правител. Вѣстника» противъ цюрихскихъ студентокъ. Джентльтменъ, *посолъ русской имперіи*, князь Орловъ, *налилъ грязи*

на русскихъ дѣвушекъ, (тогда по 18 — 19 году) сказавъ, будто бы ищутъ они за границей не науки, а общества мужчинъ, — и *солгалъ* передъ иностраннымъ правительствомъ, сообщивъ ему ложь о несуществующихъ въ Россіи высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для женщинъ!

Такимъ образомъ снова русское правительство становилось поперегъ дороги русскимъ женщинамъ, и послѣднія еще разъ увидѣли всю безплодность своихъ усилій и своихъ пожертвованій. Пришлось бросать занятія, начатыя въ Парижѣ; и многія изъ нихъ, не видя никакихъ гарантій, что имъ не помѣшаютъ и въ третьемъ мѣстѣ устроиться, и даже не имѣя возможности къ этому послѣ затратъ въ Парижѣ, рѣшились оставить мечту добиться званія врача, и поступили въ акушнрки. Но для этого онѣ должны были снова возвратиться въ Швейцарію, гдѣ прослушать акушерскій курсъ можна вдвое скорѣе, чѣмъ въ Парижѣ. Но чтобы не терять времени и въ Парижѣ, помянутыя выше студентки стали посѣщать спеціальный женскій госпитакъ Lourcine, гдѣ, однако, занятія ихъ не могли быть особенно производительны, ибо онъ вовсе не имѣетъ въ виду ни акушерокъ вообще, ни даже начинающихъ студентовъ.—

Уже впослѣдствіи русскій посолъ смилостивился, и когда трое изъ русскихъ женщинъ обратились къ нему въ 1874 г. за согласіемъ его на поступленіе ихъ въ факультетъ, но обратились при посредствѣ знакомыхъ послу или вліятельныхъ лицъ, то кн. Орловъ не только имъ не препятсвовалъ, но даже и содѣйствовалъ, — и счастливицы теперь или уже окончили или кончаютъ свои факультетскія занятія.

Бардиной съ ея подругами пришлось воротиться въ Россію, не успѣвъ закончить свою подготовку къ дѣятельности въ такой степени, въ какой ее онѣ предполагали себѣ. Кромѣ того здѣсь онѣ попали въ число отмѣченныхъ за неблагонамѣренностъ уже самимъ своимъ пребываніемъ въ Цюрихѣ. Скоро за тѣмъ онѣ встрѣчаются въ числѣ арестованныхъ въ «процессѣ московскихъ соціалистовъ.»

Процессъ этотъ начался съ того, что 28 Марта 1875 года рабочій ткацкой фабрики купца Шибаева въ Москвѣ, крестьянинъ Яковъ Яковлевъ донесъ губернскому жандармскому управленію, что двое другихъ крестъянъ-рабочихъ, Иванъ Борисовъ и Николай Васильевъ, «объясняли ему, какъ говоритъ обвинительный актъ, что крестьянъ надо во всемъ сравнять съ другими сословіями, что собственность должна быть общая и что все это должно быть скоро приведено въ исполненіе, совѣтывали проводить подобныя мысли въ народъ, устраивать съ этою цѣлью кружки, собирать возможно большое число послѣдователей таковыхъ мыслей и взглядовъ.» Когда, послѣ доноса Яковлева, арестованъ былъ Васильевъ, то любовница послѣняго, крестьянка Дарья Скворцова, «заявила, что желаетъ указать тѣхъ лицъ, которыя его погубили» и указала на нѣсколько мужчинъ и женщинъ, работавшихъ на разныхъ фабрикахъ, раздававшихъ и читавшихъ рабочимъ разныя книги, — толковавшихъ съ ними, при чемъ предме-

ты этихъ толковъ Д. Скворцова передавала уже значительно рѣзче, чѣмъ первый доноситель, Я. Яковлевъ, — а именно, будто бы «общество, собиравшееся у Васильева, разсуждало о томъ, что они отвергаютъ Бога, религію, бракъ, хотятъ уравнять бѣдныхъ и богатыхъ, устроить бунтъ и рѣзню, уничтожить правительство, чиновниковъ и дворянъ, а для подготовки крестьянъ къ возстанію, раздавать имъ книжки и совѣтовать больше читать ихъ.»

Въ числѣ лицъ, арестованныхъ по доносу Д. Скворцовой, была и Бардина, которая, по показаніямъ свидѣтелей, работала на фабрикѣ Лазаревыхъ подъ именемъ Анны Зайцевой и по ночамъ читала рабочимъ книжки, двѣ изъ коихъ разъ и забыла въ комнатѣ мужскихъ рабочихъ, будучи выгнана съ работы чиновникомъ фабрики, заставшимъ ее за этимъ занятіемъ. То были «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ» и «Хитрая Механика» (разборъ системы государственныхъ налоговъ съ народа и употребленія ихъ). Бардина была арестована 4 Апр. 1875 г. въ домѣ Корсакъ, вмѣстѣ съ семью мужчинами и одной женщиной, которой она называла себя квартиросодержательницей, Софьей Илларіоновой. Арестованная вмѣстѣ съ С. Ил. Бардиной женщина оказалась дочерью Мелитопольскаго купца Бетей Абрамовной Каминской. Впослѣдствіи Каминская сошла съ ума въ тюрьмѣ,— что, конечно, имѣется въ виду однимъ изъ приводимыхъ ниже стихотвореній, а Бардина вмѣстѣ съ другими 49 лицами, арестованными въ Москвѣ, Ивановѣ-Вознесенскѣ, Кіевѣ, Одессѣ и др. мѣстахъ была судима чрезвычайнымъ судомъ (безъ присяжныхъ), назначеннымъ для разбора политическихъ дѣлъ подъ именемъ «Особаго присутствія правительствующаго Сената» и послѣ двухлѣтняго предварительнаго заключенія была присуждена къ 9 годамъ каторжной работы.

Мы не считаемъ возможнымъ въ настоящее время входить въ подробное изложеніе дѣла, за которое судима была Бардина и товарищи ея, ни въ оцѣнку пріемовъ и результатовъ дѣятельности ихъ на фабрикѣ, какъ потому, что у насъ нѣтъ другихъ данныхъ, кромѣ судебнаго процесса, т. е. матеріала по необходимости, и не полнаго, и не всегда вѣрнаго, тѣмъ болѣе, что протоколъ его пропущенъ черезъ правительственную цензуру, — такъ и потому, что считаемъ всякое частное обсужденіе значенія дѣятельности живыхъ лицъ, находящихся въ рукахъ правительства, неудобнымъ. А потому мы ограничиваемся только вышеписаными строками, въ которыхъ заключается остовъ фактовъ, ставшихъ общимъ достояніемъ и печатаніемъ рѣчи, которая была произнесена Бардиной во время судебнаго процесса, когда, по ходу судебнаго производства предоставлено было сказать свое послѣднее слово (отъ формальной защиты она отказалась).

Рѣчь и приводимыя послѣ нея стихотворенія, обращаются во множествѣ списковъ и нѣкоторыя изъ нихъ и въ печатныхъ копіяхъ. Молва приписываетъ первыя шесть изъ этихъ стихотвореній одному лицу, а седмое другому. При настоящихъ обстоятельствахъ мы не имѣемъ ни права, ни намѣренія входить въ разбирательство вопроса объ авторствѣ этихъ стихотвореній. Мы печатаемъ ихъ рядомъ съ

рѣчью Бардиной потому, что стихотворенія эти вмѣстѣ съ рѣчью, а также свѣдѣніями объ упорномъ трудѣ и жизни Бардиной и подругъ ея въ Цюрихѣ и Парижѣ рисуютъ покрайней мѣрѣ одинъ изъ типовъ того слоя русскихъ женщинъ, который пріобрѣлъ громкую извѣстность подъ неудачнымъ именемъ «нигилистокъ», съ удовольствіемъ приклеиваемымъ къ нимъ реакціонною печатью въ Россіи и Европѣ, и который слуги русскаго правительства силятся выставить какимъ то пугаломъ, лишеннымъ всего человѣческаго. Тогда какъ на самомъ дѣлѣ отличительная черта этого типа скорѣе избытокъ нѣжности, чѣмъ отсутствіе ея. А все это вмѣстѣ, надѣемся, достаточно обрисовываетъ, чего стоитъ Россіи то *дѣтоубійство*,—истребленіе молодаго поколѣнія,—которымъ занято наше правительство уже не первый годъ и противъ котораго пора уже поднять дружное противудѣйствіе отцамъ, матерямъ и братьямъ истребляемыхъ лучшихъ силъ нашей молодежи.

Обстоятельства послѣднихъ лѣтъ въ Россіи и въ Европѣ сложились выгодно для того, чтобъ правители Россіи могли совершать свое дѣтоубійственное занятіе не только безпрепятственно, но еще и при сочувствіи значительной части достаточныхъ классовъ. И внутри, гдѣ пишутъ и говорятъ только то, что позволяетъ, а въ рѣшительныхъ случаяхъ только то, что приказываетъ правительство, — и внѣ Россіи, гдѣ о ея внутренней жизни не имѣютъ яснаго понятія, гдѣ въ ушахъ болѣе гуманныхъ людей прозвучали фразы объ освободительныхъ реформахъ, гуманности и миролюбіи повелителя Россіи,— и гдѣ въ добавокъ печатью господствующихъ классовъ, кромѣ отвращенія отъ всего, что носитъ сходство съ соціализмомъ, часто руководятъ національныя антипатіи, гораздо больше противъ народной Россіи, чѣмъ даже противъ казенной (въ нѣмецкой печати, въ австрійской, польской, отчасти въ англійской), или же заискиваніе передъ русскимъ правительствомъ (въ печати французской и западнославянской) — все благопріятствовало тому, чтобъ дѣтоубійственныя операціи русскихъ правителей были прикрыты дымкой, часто сообщавшей имъ даже благообразный для отдаленнаго зрителя видъ.

Но вотъ, процессъ 50-ти московскихъ соціалистовъ, въ которомъ вырѣзываются особенно рельефно образы женщинъ, — приподнялъ хоть не много дымку, подъ которою скрываются и до сихъ поръ мученія около *2000* человѣкъ, еще ждущихъ суда, и теперь дальнѣйшая отвѣтственность за это *дѣтоубійство* лежитъ уже не только на непосредственныхъ мучителяхъ, но и на всякомъ, кто *попускаетъ* это дѣтоубійство, кто по меньшей мѣрѣ *молчитъ* о томъ передъ Россіею и Европою.—

М. Драгомановъ.

РѢЧЬ СОФІИ ИЛЛАРІОНОВНЫ БАРДИНОЙ.

Я съ своей точки зрѣнія ни въ чемъ не считаю себя виновной и подлежащей наказанію, ибо никакого вреда обществу или народу принести не желала и не принесла, надѣюсь. Конечно, меня также, какъ и другихъ подсудимыхъ, обвиняютъ въ стремленіи разрушить священные основы собственности, семьи, религіи, государства, въ возбужденіи къ бунту и стремленіи водворить анархію въ обществѣ. Все это было бы весьма ужасно, если бы было справедливо, но дѣло въ томъ, что всѣ эти обвиненія основаны на одномъ только недоразумѣніи, которое я постараюсь теперь объяснить, если судъ меня выслушаетъ.

Собственности я никогда не отрицала. Напротивъ, я осмѣливалась даже думать, что я защищаю собственность, ибо признаю, что каждый человѣкъ имѣетъ право на собственность, обезпеченную его личнымъ производительнымъ трудомъ, и что каждый человѣкъ долженъ быть полнымъ хозяиномъ своего труда и его продукта. И скажите послѣ этого, — я ли, имѣя такіе взгляды, подрываю основы собственности, или тотъ фабрикантъ, который, платя рабочему за одну треть его рабочаго дня, двѣ трети беретъ даромъ? или тотъ спекуляторъ, который, играя на биржѣ, разоряетъ тысячи семействъ, обогащаясь на ихъ счетъ и самъ не производя ничего?— Коммунизма, какъ нѣчто обязательное, ни я, ни никто другой изъ пропагандистовъ также не проповѣдуетъ. Мы только выставляемъ на первый планъ *право рабочаго на полный продуктъ его труда*. Затѣмъ, какъ онъ распорядится съ этимъ продуктомъ, — обратитъ ли его въ общую или частную собственность, — это ужъ его дѣло. Мы этихъ вопросовъ предрѣшать теперь не беремся и не можемъ предрѣшать, принимая во вниманіе, что такой строй можетъ осуществиться только въ далекомъ будущемъ и что подобныя детали могутъ быть выработаны только практикой.

Относительно семьи я также не знаю: подрываетъ ли ее тотъ общественный строй, который заставляетъ женщину бросать свою семью и идти для жалкаго заработка на фабрику, гдѣ неминуемо развращаются и она, и ея дѣти; тотъ строй, который вынуждаетъ женщину, вслѣдствіе нищеты, бросаться въ проституцію, и который даже *санкціонируетъ эту проституцію*, какъ явленіе законное и необходимое во всякомъ благоустроенномъ государствѣ; — или подрываемъ семью мы, которые стремимся искоренить эту нищету, служащую главнѣйшей причиной всѣхъ общественныхъ бѣдствій, въ томъ числѣ и разрушенія семьи.

Относительно религіи я могу сказать только, что я всегда оставалась вѣрна ея духу и существеннымъ ея принципамъ въ томъ ихъ чистомъ видѣ, въ какомъ они проповѣдывались самимъ Основателемъ Христіанства. Кромѣ того должно замѣтить, что ни одинъ свидѣтель и не говорилъ, что ему пропагандировали что либо относительно религіозныхъ вопросовъ, что бы отрицали Бога и т. п. Свидѣтельница Дарья Скворцова говоритъ, напримѣръ: «Бога то они на небесахъ признавали, только личность его не признавали», т. е. относились безразлично къ нѣкоторымъ обрядамъ цер-

кви, къ почитанію иконъ и т. п. Поэтому о религіи я ничего больше говорить не буду.

Въ подрываніи государства я столь же мало виновата. Я вообще думаю, что усилія единичныхъ личностей подорвать государство не могутъ. Если государства разрушаются, то это обыкновенно происходитъ оттого, что они сами въ себѣ носятъ зародыши разрушенія. Такъ, напримѣръ, древнія государства исчезли съ лица земли, ибо они были основаны на рабствѣ,—на такомъ базисѣ, который, какъ давно извѣстно, не способствуетъ развитію обществъ. Конечно, если какое нибудь данное государство держитъ свой народъ въ политическомъ, экономическомъ и умственномъ рабствѣ, если оно массой неоплатныхъ податей, капиталистической эксплуатаціей рабочаго и другими ненормальными экономическими и политическими отношеніями доводитъ его до нищеты, болѣзней, преступленія, — то, конечно, говорю я, такое государство само себя ведетъ къ гибели, но въ этомъ уже невиноваты единичныя личности и групы, а слѣдовательно не за что ожесточенно преслѣдовать и наказывать ихъ. Въ противномъ же случаѣ, т. е. если государство находится въ совершенно благонадежномъ состояніи, то усилія этихъ лицъ не могутъ грозить ему ровно никакой опасностью; слѣдовательно, наказывать ихъ опять таки не представляется ни какой надобности. Вотъ почему для меня совершенно непонятна логика обвинительной власти, говорящей, что «конечно, опасности для государства тутъ никакой не можетъ быть», но что »опасность все таки существуетъ»!.. Мнѣ кажется, рѣшеніе этой дилеммы можетъ быть только одно.

Меня обвиняютъ въ возбужденіи къ бунту. Но къ непосредственному бунту я никогда не возбуждала народъ и не могла возбуждать, ибо полагаю, что революція можетъ быть результатомъ цѣлаго ряда историческихъ условій, а не подстрекательства единичныхъ личностей. Рѣзня сама по себѣ для меня, конечно, совсѣмъ не желательна. Я вовсе не имѣю тѣхъ кровожадныхъ и свирѣпыхъ наклонностей, которыя всякое обвиненіе охотно приписываетъ всѣмъ пропагандистамъ. Если бы тотъ идеальный общественный строй, о которомъ мы мечтаемъ, могъ быть осуществленъ безъ всякаго насильственнаго переворота, то, конечно, мы всѣ были бы рады этому отъ души. Я полагаю только, что насильственная революція, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, есть неизбѣжное зло, которое должно исчезнуть рано или поздно, помимо даже всякихъ усилій отдѣльныхъ лицъ или группъ... *(Сенаторъ Петерсъ замѣчаетъ, что эти разсужденія не идутъ къ дѣлу.)* Я желаю только изложить свой взглядъ на революцію и пропаганду; думаю, что мои взгляды совпадаютъ со взглядами многихъ другихъ подсудимыхъ, и что поэтому мое объясненіе будетъ небезполезно, если выставить гг. судьямъ пропагандистовъ въ ихъ настоящеаъ свѣтѣ.

Я, господа, принадлежу къ разряду тѣхъ людей, которые между молодежью извѣстны подъ именемъ мирныхъ пропагандистовъ. Задача ихъ— внести въ сознаніе народа идеалы лучшаго, справедливѣйшаго общественнаго строя, или же уяснить ему тѣ идеалы, которые уже коренятся въ немъ безсознательно; указать ему недостатки настоящаго строя, дабы въ будущемъ не было тѣхъ же ошибокъ; но когда наступитъ это будущее, мы не опредѣляемъ и не можемъ опредѣлить, ибо конечное его осуществленіе отъ

насъ не зависитъ. Я полагаю, что отъ такого рода пропаганды до подстрекательства къ бунту еще весьма далеко.

Обвиненіе говоритъ, что мы желаемъ уничтожить классы, и понимаетъ это въ такомъ смыслѣ, что мы хотимъ поголовно вырѣзать всѣхъ помѣщиковъ, дворянъ, чиновниковъ, купцовъ и всѣхъ богатыхъ вообще. Но это опять таки недоразумѣніе. Мы стремимся уничтожить привилегіи, обусловливающія раздѣленіе людей на классы, — на имущихъ и неимущихъ, но не самыя личности, составляющія эти классы. Я полагаю, что нѣтъ даже физической возможности вырѣзать такую массу людей, если бы у насъ и оказались такія свирѣпыя наклонности. Мы не хотимъ также основать какое то царство рабочаго сословія, какъ сословія, которое, въ свою очередь стало бы угнетать другія сословія, какъ то предполагаетъ обвиненіе. Мы стремимся ко всеобщему счастью и равенству по-стольку, по-скольку оно не зависитъ, конечно, отъ личныхъ особенностей, отъ особенностей темперамента, пола, возраста и т. п. Это можетъ показаться утопичнымъ, но, во всякомъ случаѣ, ужь кровожаднаго-то и безнравственнаго здѣсь ничего нѣтъ. На Западѣ такого рода пропаганда ведется каждодневно и рѣшительно никого не поражаетъ своимъ радикализмомъ, не смущаетъ умы и не волнуетъ общество, — можетъ быть потому, что тамъ давно привыкли обсуждать всѣ подобные вопросы гласнымъ образомъ, публично....

Обвиненіе называетъ насъ политическими революціонерами; но если бы мы стремились произвести политическій coup d'état, то мы не такъ стали бы дѣйствовать: мы не пошли бы въ народъ, который еще нужно подготовлять да развивать, а стали бы искать и сплачивать недовольные элементы между образованными классами. Это было бы цѣлесообразнѣе, но дѣло то именно въ томъ, что мы къ такому coup d'État вовсе и не стремимся.

Обвиненіе говоритъ еще, что мы хотимъ водворить анархію въ обществѣ. Да, мы, дѣйствительно, стремимся къ анархическому устройству общества, но дѣло въ томъ, что это слово въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимаетъ современная литература и я лично, вовсе не означаетъ безпорядка и произвола. Анархія, напротивъ, стремится водворить гармонію и порядокъ во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ. Она не есть произволъ личностей, ибо она признаетъ, что свобода одного лица кончается тамъ, гдѣ начинается свобода другаго. Она есть только отрицаніе той утѣсняющей власти, которая подавляетъ всякое свободное развитіе общества.

Итакъ, разобравъ всѣ взводимыя на меня преступленія, я нахожу, что я въ сущности ни въ одномъ изъ нихъ невиновата. Но, какъ бы тамъ ни было и какова бы ни была моя участь, я, господа судьи, не прошу у васъ милосердія и не желаю его. Преслѣдуйте насъ, какъ хотите, но я глубоко убѣждена, что такое широкое движеніе, продолжающееся уже нѣсколько лѣтъ сряду и вызванное, очевидно, самимъ духомъ времени, не можетъ быть остановлено никакими репрессивными мѣрами..... *(Тутъ Петерсъ ее ост анавливаетъ и говоритъ: «намъ совсѣмъ не нужно знать, въ чемъ вы „тамъ“ убѣждены.»)* Оно можетъ быть, пожалуй, подавлено на нѣкоторое время, но тѣмъ съ большей силой оно возродится снова, какъ это всегда бываетъ послѣ всякой реакціи подобнаго рода; — и такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока наши идеи не восторжествуютъ. Я убѣж-

дена еще и въ томъ, что наступитъ день, когда даже и наше сонное и лѣнивое общество проснется и стыдно ему станетъ, что оно такъ долго позволяло безнаказанно топтать себя ногами, вырывать у себя своихъ братьевъ, сестеръ и дочерей и губить ихъ за одну только свободную исповѣдь своихъ убѣжденій! И тогда оно отомститъ за нашу гибель!... Преслѣдуйте насъ, — за вами пока матеріальная сила, господа; но за нами сила нравственная, сила историческаго прогресса, сила идеи, а идеи, — увы! на штыки не улавливаются!....

Двѣ сосѣдки.

Боже мой, какая скука
Заключенной быть въ тюрьмѣ!
Цѣлый день лежать безъ звука
И безъ мысли въ головѣ!
А какъ тяжко, тяжко, душно,
Словно камень, давитъ грудь,
Сердце бьется непослушно,
Только тяжело вздохнуть.
Но вѣдь рядомъ тоже клѣтка...
Можетъ, веселѣе тамъ.
Стукъ-стукъ-стукъ! ну что, сосѣдка,
Хорошо-ль живется вамъ?
«Легкія все не въ порядкѣ,
Стало трудно мнѣ дышать;
То чахотки злой зачатки.
Видно, надо помирать!
Кашель мучаетъ вотъ тоже,
Окаянный, грудь болитъ....
А сіяющій міръ божій
За окномъ такъ жить манитъ.
За желѣзную рѣшотку
Солнца лучь скользнулъ,
Вѣтерокъ, ворвавшись въ клѣтку,
Свѣжестью пахнулъ, —
Щепчетъ, лишь къ лицу касаясь,
Про зеленый лѣсъ,
Что, вершинами сливаясь
Съ синевой небесъ,
Ароматъ роспространяетъ;
Свѣжесть сосенъ, міховъ
Грудь больную укрѣпляетъ
Лучше докторовъ....
Шепчетъ, нервы раздражая,

Про тотъ лугъ родной,
Гдѣ цвѣты благоухая
Искрятся росой;
А порой звучитъ уныло
О борьбѣ глухой,
Гдѣ была бъ полезна сила
Жизни молодой.
Но подрѣзаны мнѣ крылья....
Давитъ, какъ тиски,
Чувство гордаго безсилья,
Злобы и тоски.
Передъ смертью я не трушу,
Но желала бы пожить,
Чтобъ всѣ силы и всю душу
Въ дѣло положить.» —
Кашель жалобный раздался
И пронесся стонъ,
Жгучей болью отозвался
Въ моемъ сердцѣ онъ. —
Но и справа есть сосѣдка,
Дай толкнусь туда,
Лишь понять ее нерѣдко!
Трудно — вотъ бѣда!
Какъ живешь, — касатка Маша?
«Плохо, другъ мой, злятъ....
День и ночь вѣдь въ стѣну нашу
Жулики стучатъ.
Арестанты всѣ спириты,
Замѣчаю я —
А жандармы ядовито
Смотрятъ на меня.
Замѣчаю, какъ презрѣнье
Въ лицахъ ихъ сквозитъ,
А улыбка сожалѣнья
На устахъ скользитъ.
Но, что вижу я, о Боже!
Огоньки горятъ!
Изъ угловъ и оконъ рожи
Страшныя глядятъ!
И все больше! То толпятся
Гномы вкругъ огня,
Съ адскимъ хохотомъ грозятся
Погубить меня: —
Какъ несчастная мечтаешь
Обновить ты міръ?
Уничтожить въ немъ желаешь
Нашъ кровавый пиръ!

Не спасешь ты человѣка!
Намъ и намъ однимъ
Адомъ власть дана отъ вѣка
Царствовать надъ нимъ!
Подо мной разверзлась бездна,
Все плыветъ кругомъ,
Я борюсь, но безполезно!
Побѣждаетъ гномъ!»
Смолко все. Лишь часоваго
Раздается мѣрный шагъ.
Безотрадно и сурово
Смотрятъ звѣзды въ небесахъ. —

Къ Матери.

Когда несчастье надо мной
Нависло крышкой гробовой,
Одна лишь, любящая мать,
Съумѣла ты меня понять.

* * *

Эгоистичная семья
Объ арестанткѣ позабыла,
Лишь ты, родимая моя,
Въ слезахъ и горѣ вся изныла.

* * *

За то я буду уважать
Тебя, родная, безпредѣльно,
И образъ твой благоговѣйно
Въ святынѣ сердца сохранять.

Къ Фигнеръ.

Милая дѣвушка! сильно вліяніе
Внѣшней чарующей насъ красоты, —
Такъ; но сильнѣе ея обаянія
Прелесть душевной твоей чистоты.
Много въ изъящной фигурѣ гармоніи
И благородства въ движеньяхъ твоихъ,
Чувства движенья еще благороднѣе,
Сердце великое чуется въ нихъ.
Полонъ Спасителя ликъ состраданія,
Скорби въ божественныхъ много чертахъ,
Но еще больше любви и страданія
Въ этихъ бездонно глубокихъ очахъ. —

Блажени кротціи, яко тіи наслѣдять землю.

Возлюбила ты брата убогаго,
Ты его утѣшала слезами...
И за то предъ судью тебя строгаго
Привели, оковавши цѣпями...
Принесла передъ нимъ ты повинную...
У судьи опустилися руки:
«Какъ могу я голубку невинную
Осудить на жестокія муки!?»
—Нѣтъ, судья! эту дѣвушку блѣдную
Безпощаднымъ карай приговоромъ:
Иль не чуешь ты силу побѣдную
Подъ незлобливымъ любящимъ взоромъ?
Знай: не ратью, оружьемъ сверкающей,
Не войною, не силою дикой,
А любовью горячей, страдающей
Побѣжденъ будетъ міръ нашъ великій!—

12 Марта 1877 года.

Судъ нынче могъ бы хоть съ балетомъ
Поспорить: сильные земли
Пришли смотрѣть насъ по билетамъ,
На насъ бинокли навели....
Намъ было лестно — состраданье
Прочесть у нихъ на лицахъ къ намъ.
Мнѣ даже слышалось рыданье
Изъ отдѣленія для дамъ...
И продолжалась до обѣда
И даже больше ихъ печаль;
У нихъ о насъ велась бесѣда,
Всѣ говорили: жаль ихъ, жаль!...
А у меня въ тюрьмѣ угрюмой
Была межь тѣмъ своя печаль;
Полна имъ непонятной думой,
Я говорила: мнѣ *васъ* жаль! —

Мы были тамъ. Его распяли,
А мы стояли въ сторонѣ
И осторожно всѣ молчали,
Свои великія печали
Храня въ душѣ своей на днѣ.
Его враги у насъ спросили:
«И въ васъ должно быть тотъ же духъ!?
Вѣдь вы его друзьями были!»

Мы отреклись..... Насъ отпустили,
А вдалекѣ пропѣлъ пѣтухъ.
Намъ было слышно: — умирая,
Онъ все простилъ своимъ врагамъ;
Онъ умеръ, ихъ благословляя,
Открывъ убійцѣ двери рая....
Но..... онъ простилъ ли и друзьямъ!? —

* * *

Осужденной на каторгу сенат. судомъ 22 Февр. 1877 г.,
дѣвицѣ Лидіи Фигнеръ.

Мой тяжкій грѣхъ, мой умыселъ злодѣйскій
Суди, судья, — но проще, поскорѣй,
Безъ мишуры, безъ маски фарисейской,
Безъ защитительныхъ рѣчей!....
Крестьянскія вериги вмѣсто платья
Одѣвъ, и снявъ преступно башмаки, —
Я шла туда, гдѣ стонутъ наши братья,
Гдѣ вѣчный трудъ и бѣдняки!...
Застигнута на мѣстѣ преступленья,
Съ поличнымъ я на судъ приведена....
Зачѣмъ же тутъ свидѣтели и пренья?...
Вѣдь я кругомъ уличена....
Оставь, судья, ненужные допросы!
Взгляни: — я вся въ уликахъ: на плечахъ
Мужицкая одежда, ноги босы,
Видны мозоли на рукахъ,
Тяжелою работой я разбита...
Но знаешь ли, въ душѣ моей на днѣ
Тягчайшая изъ всѣхъ уликъ сокрыта —
Любовь къ родимой сторонѣ...
Но знай и то, что какъ я ни преступна, —
Ты надо мной безсиленъ, мой судья!
Нѣтъ, я суровой карѣ недоступна —
И побѣдишь не ты, а я!
Пожизненно меня ты покараешь....
Но мой недугъ ужь написалъ протестъ —
И мнѣ грозитъ — самъ видишь ты и знаешь —
Лишь кратковременный арестъ....
А я умру все съ тою же любовью....
И, уронивъ тюремные ключи,
Съ молитвою приникнутъ къ изголовью
И зарыдаютъ палачи....

8 Марта 1877 г.

***

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
Б-7588.